

В тот день, когда Инлун вернулся в горный ручей, Тань Чжифэн заметил, что на его обычно спокойном и холодном лице промелькнула тень беспокойства. Он пробормотал:

— ...Время пришло, желаешь ли ты отправиться со мной в мир людей? Пройдя десять жизней в колесе Сансары, твои силы значительно возрастут, и у тебя появится возможность увидеть радости и горести человеческого бытия.

Он сделал паузу и добавил:

— Если не хочешь, я оставляю тебя здесь. Ты скоро обретёшь человеческий облик, и тогда сможешь сам пойти в мир и следовать своему пути совершенствования. В тебе есть духовная сила, что я дал тебе, и никто не сможет причинить тебе вреда. Тебе лишь нужно творить больше добрых дел, и ты так же сможешь стать бессмертным или божеством.

Подул ветер, и облачко белой, почти прозрачной пыли поднялось, плавно закружившись вокруг огромных лазурных крыльев дракона. Пыль то поднималась, то опускалась в воздухе, словно кивая в знак согласия.

Выражение лица Инлуна слегка изменилось, и с едва заметной улыбкой он тихо произнёс:

— Хорошо.

Этот ответ, казалось, не удивил его. Он уже вернулся в свою истинную форму, готовясь запечатать себя и изначальное тело Тань Чжифэна в горном ручье. Он склонил голову, схватил зубами драконью чешую у себя на шее, сорвал её, обратил в порошок и рассыпал в белое сияние.

Тань Чжифэн тут же почувствовал, как его душа воспылала, словно готовая сгореть. Он хотел спросить, но Инлун сказал:

— Это всего лишь небольшое заклинание для твоей защиты.

Тань Чжифэн замолчал, чувствуя лёгкое волнение. Он смотрел, как знакомый ему огромный, зелёно-лазурный дракон свернулся кольцами, и вместе с ним ждал наступления того самого момента.

Тань Чжифэн тихо прислонился к могучему крылу дракона, обвившись вокруг его когтя. Как же он хотел уже стать человеком, таким, как те «люди», которых он видел. Тогда он мог бы стоять плечом к плечу с Инлуном, рука об руку, и вместе встретить всё, что их ждёт...

Над ущельем внезапно раздался оглушительный раскат грома, за которым последовал невиданный ранее ливень. Бесчисленные вспышки света, подобные молниям, металась между горами. Когда казалось, что горные пики вот-вот рассыплются, как песок, из ручья вырвалась лазурная молния, окутанная белым сиянием, пронзив золотые разряды в небе. В тот же миг всё в горах затихло, словно ничего и не происходило.

* * *

Пока Тань Чжифэн пребывал в оцепенении, Сюй Гань уже дочиста съел свою миску лапши. Закончив, он молчал и просто смотрел, как Тань Чжифэн витает в облаках напротив него.

Сцены из воспоминаний были слишком ошеломляющими. Когда Тань Чжифэн пришёл в себя, его взгляд всё ещё был немного растерянным, устремлённым на Сюй Ганя. Увидев его

состояние, Сюй Гань вдруг одарил его редкой улыбкой.

При виде этой улыбки у Тань Чжифэна сразу поднялось настроение, и все сумбурные мысли исчезли. Он словно сбросил тяжелый груз с души, перестал быть робким и спросил Сюй Ганя:

— Ты больше не будешь заниматься цзюэди, что планируешь делать дальше?

Сюй Гань, с лёгкой улыбкой на лице, ответил:

— Сначала перееду, а там посмотрим.

Тань Чжифэн всё ещё недоумевал. В этом переулке жили одни книжники. Как Сюй Гань, кузнец, да ещё и с маленьким ребёнком, собирается здесь жить? Он осторожно спросил:

— А как же лавка твоего отца?

— Я не умею ковать, — сказал Сюй Гань. — В детстве родители меня жалели и не заставляли этим заниматься. Да и кузнечным делом много не заработаешь.

Он помолчал и добавил:

— Я собираюсь продать лавку. Найду какое-нибудь другое занятие.

У Тань Чжифэна ёкнуло сердце. Неужели он и вправду сможет, как говорила Чжочжо, нанять Сюй Ганя на работу? Тогда он сможет видеть его каждый день. Конечно, он сказал себе, что это для того, чтобы было удобнее его защищать. Если Бо станет доставлять ему неприятности, он сможет немедленно прийти на помощь.

— Ладно, скажу тебе, не беда, — неожиданно произнёс Сюй Гань. — Отец раньше хотел, чтобы я сдал экзамены на чин. Но после их смерти в семье не стало денег, и учёба была заброшена.

Сказав это, он, кажется, немного покраснел:

— Я давно не брал в руки книг. Боюсь, в следующем году не сдам экзамены, и ты будешь надо мной смеяться.

— Нет-нет, — поспешно замахал руками Тань Чжифэн, — как я могу над тобой смеяться? — Хорошо, что он не успел ничего сказать, иначе что бы подумал Сюй Гань? К тому же, он сам не мог заработать даже на аренду лавки, так что платить зарплату ещё одному человеку было совершенно невозможно.

Кто бы мог подумать, что Сюй Гань, оглядывая таверну Тань Чжифэна, скажет ему:

— У тебя тут дела, кажется, идут неплохо. Если вдруг понадобятся деньги, можно будет у тебя поработать несколько дней?

— Конечно, — на этот раз Тань Чжифэн был по-настоящему польщён. — Воспользовавшись отсутствием И-и, он быстро согласился. Что до И-и, то с ним можно будет договориться, когда он вернётся. К тому же, Сюй Гань говорил лишь о временной работе, так что, даже если он и придёт, то, скорее всего... ненадолго... ведь так?

Сюй Гань кивнул и встал. Увидев, что Тань Чжифэн смотрит на него снизу вверх, он вдруг почувствовал душевный порыв, протянул руку и легонько похлопал его по плечу.

Тань Чжифэн, который тоже собирался встать, замер. Губы Сюй Ганя снова изогнулись в улыбке, и он сказал:

— Иногда, когда я смотрю на тебя, ты напоминаешь мне Лин-эра. Как-нибудь приведу его познакомиться с тобой.

Тань Чжифэн не знал, смеяться ему или плакать. Сюй Гань не убрал руку, а наоборот, шагнул на два шага вперёд. Они стояли лицом к лицу, и Сюй Гань продолжил:

— Кстати, денег, что я дал в тот раз, хватило?

— Что? — Тань Чжифэн совершенно не помнил, чтобы Сюй Гань давал ему деньги. Видя, что тот не отвечает, Сюй Гань подошёл к стойке и начал доставать деньги.

Только тут Тань Чжифэн опомнился и поспешно остановил его:

— Эй, не нужно, не нужно платить! Ты в прошлый раз сказал, что зайдёшь к нам поесть, когда будет время, но с тех пор так и не появлялся. Этот суп с лапшой стоит всего тридцать с лишним вэней, а денег, что ты мне дал, я пересчитал — там семьдесят или восемьдесят больших монет. Ты и двух раз в месяц не заходишь, этих денег на год-полтора хватит...

— Я вернулся, — пока Тань Чжифэн говорил, в дверях появился И-и, стряхивая с себя тонкий слой снега и вытирая грязные ноги о порог. Подняв голову, он увидел Сюй Ганя и Тань Чжифэна, пробормотал «Редкий гость» и быстро прошёл в заднюю часть таверны.

И он, и Чжочжо, и Чанчан, казалось, немного робели перед Сюй Ганем, в отличие от того, как они вели себя с книжниками или даже с Чжань Чжао. Увидев, что Тань Чжифэн отказывается, Сюй Гань больше не настаивал и убрал руку.

— Чжифэн... — только Тань Чжифэн собрался попрощаться с Сюй Ганем, как у входа снова послышался голос. Он посмотрел в сторону двери и увидел, что Чжань Чжао по какой-то причине вернулся.

Он сменил одежду на тёмно-красный чиновничий халат и чёрную шапку. По сравнению с синей одеждой, он выглядел более властным, а по сравнению с чёрной — более благородным и праведным, высоким, элегантным и незаурядным. Чжочжо, высунув голову из кухни, смотрела на него сияющими глазами и крикнула:

— Чай сейчас будет!

Чжань Чжао откликнулся и вошёл в комнату. Заметив Сюй Ганя, он, кажется, слегка изменился в лице. Не садясь, он быстро подошёл к стойке.

Сюй Гань обернулся. Увидев, что пришедший — Чжань Чжао, он похолодел лицом. Он сложил руки в приветствии, но больше ничего не сказал. Чжань Чжао неожиданно ответил ему таким же жестом, как это принято в мире боевых искусств, и сказал:

— Присядем, поговорим.

Сюй Гань скрестил руки на груди, не выказывая ни малейшего страха перед чином четвёртого ранга Чжань Чжао и не собираясь садиться. Чжань Чжао искренне ещё раз сложил руки:

— Сюй Гань, несколько дней назад этот Чжань действовал по долгу службы, расследуя дело, и

во многом был невежлив.

Видя, что Чжань Чжао ведёт себя без всякого высокомерия, Сюй Гань немного расслабился. Тань Чжифэн поспешил сгладить обстановку:

— Садитесь, садитесь оба. Вам двоим есть о чём поговорить? Я принесу вам чаю. Защитник Чжань, что будете есть? Я сейчас приготовлю.

— Чжифэн, не беспокойся, — махнул рукой Чжань Чжао. — Не утруждай себя готовкой, мне хватит и чая.

В одно мгновение Тань Чжифэн увёл троих на кухню. Снаружи Сюй Гань и Чжань Чжао молча сидели друг напротив друга. Наконец, первым заговорил Чжань Чжао:

— Сюй Гань, я не буду говорить обиняками. Сейчас ты, должно быть, тоже хочешь выяснить правду и восстановить свою невиновность, не так ли?

Сюй Гань холодно ответил:

— Это вы меня оклеветали, в чём моя вина?!

Чжань Чжао знал, что с Сюй Ганем договориться нелегко, но не отступил. Он продолжил:

— Сюй Гань, ты человек образованный, и должен понимать суть вещей лучше, чем этот Чжань. Я слышал, древние говорили: «Защита Поднебесной — долг даже самого простого человека». Это дело касается не только твоей невиновности, но и безопасности десятков тысяч солдат, проливающих кровь на границах Великой Сун, а также мирных жителей Северо-запада, которых они защищают. Если ты знаешь что-то, чего не знаю я, не скрывай, лучше расскажи поскорее.

Сюй Гань сказал:

— Неужели? Древние также говорили: «Благородный муж действует в соответствии со своим положением». Те «благородные мужи», что занимают посты, но не говорят должных речей, или говорят, но не действуют, не стыдятся этого, а вместо этого перекадывают ответственность на бедных и простых людей. Неужели им не совестно?

Лицо Чжань Чжао изменилось, но он услышал, как Сюй Гань продолжил:

— ...Чжань Чжао, говоря по правде, я восхищаюсь тобой как человеком. Ты трудился не покладая рук, потратил много сил на это дело. Но ты действительно думаешь, что если найдёшь доказательства, генерал Лю будет оправдан? А если генерала Лю оправдают, это изменит ход войны на Северо-западе?

Взгляд Чжань Чжао становился всё мрачнее, не потому, что Сюй Гань оскорбил его, а потому, что он был согласен со сказанным.

Сюй Гань продолжал:

— ...Это дело тянется уже больше полугода, а при дворе всё ещё не утихают споры. Спорят, спорят, спорят... Боюсь, пока они не разберутся, кто прав, а кто виноват, армия Ли Юаньхао снова нападёт!

— Но... — Чжань Чжао хотел было возразить, но тут подошёл Тань Чжифэн с двумя чашками

чая.

— Ну хватит, вы же знаете, что ссориться нехорошо, зачем продолжать спорить? Как бы то ни было, чем быстрее дело раскроется, тем лучше для всех. Страж Чжань, всё, что я знал, я вам рассказал. Вы за эти два дня нашли какие-нибудь новые зацепки?

— Почему ты спрашиваешь у Тань Чжифэна? Какое он к этому имеет отношение? — лицо Сюй Ганя внезапно снова помрачнело.

— То, что случилось в ночь, когда я переехал в переулок, и то, как ты упал в обморок здесь в ту ночь, когда ходил на цзюэди... — сказал Тань Чжифэн. — Я всё рассказал стражу Чжаню. И он тоже верит, что ты невиновен.

— Верно, — кивнул Чжань Чжао. — Сюй Гань, я всегда верил, что Чжан Шаньчу убил не ты. Особенно после того, как Чжифэн рассказал мне, что ты был ранен в ту ночь...

Выражение лица Сюй Ганя снова изменилось:

— Значит, до той ночи, когда ты меня спас, мы уже встречались.

Тань Чжифэн замер. Он не был уверен, помнил ли Сюй Гань о том, как он спас его в первый раз. Он всегда боялся, что Сюй Гань видел, как он использовал магию. Теперь казалось весьма вероятным, что Бо стёр воспоминания Сюй Ганя, а заодно и ту часть, что была связана с ним. Но магия Бо действовала на Сюй Ганя лишь ограниченно, поэтому у него осталось смутное ощущение.

<http://bllate.org/book/14942/1323817>